3-й ГОД ИЗДАНИЯ № 7 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ФЕВРАЛЬ МОСКВА, Солянка, 12, Дворец Труда. ◆ Телефон редакции и конторы: 5-08-17. 1927 ГОД

ОДИН ЗА ВСЕХ

Еще до сих пор не изжит обычай выбирать в сельсовет декоративных (почетных) лиц. Приходится одному человеку выбиваться из сил и нести все обязанности.

Из газет.

Рис. М. Черемных

— Придется притащить из кладовой портрет нашего брандмайора, а то кворума нехватает!

ТРИ НА СТО

В Нижнем-Новгороде, в общежитии художественного техникума, в трех комнатах живет 100 студентов.

Из провинциальной хроники.

Суровый читатель!
Взгляни беззаботней:
Тут юности ветер! Прохлада зари!—
В трех комнатах узких художников сотня,
Художников сотня, а комнаты три!

***

В трех комнатах—сотня...
Хотите,—не верьте!
Но вот и письмо, и печать, и конверт...
Мечтает художник о легком мольберте,
Но где же художник поставит мольберт?

***

— Ванюша, а ну повернися спиною,
Я чтой-то почувствовал творческий зуд:
Давай нарисую пейзажец с луною,
Сугробы... и сосны... и сани ползут...

***

Здесь воздух табачный свирепо завинчен,
Но гений цветет, в тесноте не закис,—
И, к стенке лепясь, белобрысый Да-Винчи
На собственной пятке рисует эскиз!

***

Руки не протянешь...
Зажаты коленки...
Писать... да на чем? Лишь стены голизна...
Но Буанаротти расписывал стенки,—
Пиши же, Андрюша: ведь есть же стена!

***

О, юности ветер! Весенние бури!
Пусть тесно, пусть узко, пусть душно,—зато
Глаза голубее берлинской лазури,
Надежды воздушней писаний Ватто!

***

Фантазии много живет в человеке,
И, сотни мечтателей зря растомив,
Античные римляне или же греки
О музах составили сладостный миф...

***

Мы выдумке древних должны удивиться:
Допустим, артист уставал, увядал,—
К артисту являлась такая девица,
И сразу в артисте талант расцветал!

***

А здесь с этой музой была бы обуза,
Пришлось бы студентов еще уплотнить...
Допустим, к студентам явилась бы муза,—
Куда бы ту музу пришлось поселить?

***

Без музы кипят вдохновения реки!
В трех комнатах—сотня...
Но в сердце—экстаз!
Ах, древние римляне! Древние греки!
Такой героичности не было в вас!

Зубило

ХАРЬКОВСКАЯ ГАСТРОНОМИЯ

По заказу мелитопольского отделения т-ва „Ларек" из Харькова было отправлено одно решето сыру Бакштейн. Сотрудники, вскрывавшие полученный сыр, предположили, что по ошибке в ящике товар не Маслоцентра, а канализационного отдела харьковского Отгорхоза.

Из газет.

Рис. А. Храпковского

Сыр со слезой покупателя.

ЮМОР И ИСКУССТВО В ГОРОДЕ КРАСНЫЙ ЛУЧ

В городе Красный Луч, в Донбассе, есть кинематограф, в котором запрещено: „сидеть два сеанса на один билет, лазать с места на место по ногам и через барьеры, плевать и бросать окурки и др. виды, загрязняющие чистоту". С 10 декабря, если верить афишам, театр безусловно отапливается и, несмотря на продолжающийся ремонт, в нем будет создан уют. Зайцам лучше не беспокоиться, поскольку местный союз охотников довел до всеобщего сведения, что шкурки, снятые с них при поимке в кинематографе, будут продаваться в Красном Луче по доступным ценам весь текущий зимний сезон.

Кинематограф издает свой журнал искусств и юмора, откуда, на ряду со сведениями, приведенными выше, мы узнаем также массу интереснейших вещей о боевиках, в которых никогда и не подозревали даже, с равнодушием дилетантов, просматривая их в Москве, обнаруженной на месте захватывающей прелести и социальной глубины сюжета. Не всякому, как говорится, дано: искусство—святое дело, об этом еще в двенадцати викториях сказано.

Итак, начнем. „Мессалина". Если верить краснолучскому журналу искусств и юмора, „перед тем, как прибыть в Донбасс, „Мессалину" смотрел германский мининдел Штреземан. При этом деловое заседание, назначенное на среду после обеда, было отложено на понедельник, в виду якобы легкой простуды такового, впоследствии же оказалось, что он был в кино „Версаль", где эта сверхкартина шла последний день". Демонстрации же „Мессалины" в самом Красном Луче предшествовали, по сведениям того же журнала искусств, следующие изложенные на странице юмора небезынтересные и забавные происшествия:

„Около театра улица была загружена извозчиками, автомобилями и народом, вследствие чего было задавлено два человека, в карманах у каковых были найдены билеты на добавочный сеанс за неделю вперед.

„По почтовой аллее был обнаружен труп неизвестной женщины 60 лет; выяснилось, что она в виду сильной очереди в наше кино, не достала билета на „Мессалину" и предпочла покончить самоубийством;

„Обнаружено убийство" по дороге к вокзалу и удалось задержать преступника; у него в кармане найден похищенный билет в наше кино на „Мессалину", а больше не было взято ничего;

„В доме № 6 по Кирпичной улице отравилась гр. Богомолова, 16 лет, не получив разрешения на „Мессалину" в виду ее малолетнего возраста;

„В первый день демонстрации картины случилось два обморока, которые отразились на И. Х. Сухарине, последний был отправлен в больницу, где и скончался, почему слабонервных просим не посещать."

Ха, ха! Как весело: шесть смертей за одни сутки! До начала демонстрации! Что же будет, когда „Мессалина" появится на экране?

Впрочем, оказывается, что „Мессалина", наоборот—„оружие нравоученья". Некто Иванюк, как сообщается в следующем номере журнала искусств, купив билет на „Мессалину" и усевшись в фойе, стал нахально грызть семечки и плевать за буфетную стойку. Его оштрафовали, и он ушел обиженный, потому что посещение обошлось ему в 3 р. 40 к. Но картина ему очень понравилась, почему он пришел во второй раз, и снова грыз семечки, но уже не плевал за стойку. Его оштрафовали только на рубль. Он пришел в третий раз, и уже не плевался и не грыз семечек вовсе, но стал постоянным посетителем кино и аккуратным читателем журнала искусств и юмора. Отсюда можно судить, сколь прекрасно влияет на нравы нашей публики картины, подобные „Мессалине".

Кстати, о самой картине.

„Головокружительная роскошь византийского двора' сменяется здесь роскошью природы и хороводами танцовщиц, а давно известная кровожадность императоров выявлена здесь в самых точных видах: исторические казни, колотьба, скилеты, распинания, пускаются на народ львы, которые растерзывают толпы людей на глазах зрителя, в несколько минут образуется ипподром, усеянный трупами и т. д. Остальное на экране красиво и жутко заполняет сюжет, не поддающийся описанию".

Действительно, где уж тут поддаться! Сначала шесть трупов, потом опять „скилеты" и „колотьба"! Варфоломеевская ночь какая-то в Красном Луче!

Знаете ли вы что такое „Королева лесов?"

„В далекой полночи (?), где вершины гор и долины покрыты снежным заносом, а тысячи (?) речек окутаны льдом, они любили друг друга, взлетая далеко за тучами, играя смертью..."

Сейчас же оказывается, впрочем, несмотря на столь поэтическое введение, что „сюжет этой картины основан на алчности людей цивилизованных стран, здесь видно, что люди те же хищные звери в другой форме; родной дядя, например, готов истерзать свою племянницу, чтобы добиться собственности своего брата. Тут пускаются в ход всякие средства безграничной опасности друг против друга, все машины, действующие на суше, на воде и в воздухе, природа со своими дикими местностями и хищные звери—все пускается, как оружие смертоносное. Захватывающий сюжет, чарующие местности, автоматы, машины и актеры переплетаются в наилучшую гигантскую фильму Америки. Руф Роланд, она же Гарри Пиль, в плане здесь лежит природный трюк, а не механизированный. Совсем не плох ее партнер — Гардон. Тема остроумная, разработана прилично, с весьма хорошими трюками (обязательное спасение на аэроплане и оторвавшийся вагон). Разные взгляды на женщин, разные женщины, тем не менее и разные мужчины. Не назойливые драки, не дурное фото—это интригующий эффект картины."

Разные взгляды на редакторов, разные редакторы, тем не менее некто Э. Брандт подписывается, как „безответственный редактор" настоящего журнала юмора и искусств. Он же состоит главным распорядителем фойе, а также, по слухам, продает лимонад в буфете и одновременно сопровождает природные трюки Руф Роланд (она же Гарри Пиль) музыкальной иллюстрацией на виолончели. Что вы хотите от рабочего человека?

„В г. Красном Луче с 15 декабря открывается венерический кабинет по общедоступным ценам, специальное лечение: „Сифилис" и предостережения от заболевания им. Прием с 5 ч. в кино им. Раковского".

Один умный человек сказал: остроты бывают иногда такими, что за них следует бить остроумца утюгом по голове. Пожалейте же вашу молодость, Брандт, святое искусство погубит вас! Человек не обязан издавать журнал: он может также служить на почте или открыть шляпное дело. Подумайте, это не так почетно, конечно, и нельзя говорить—„мы, артисты", но спокойнее, и не надо душить старух в почтовой аллее. Нехай живут.

А. Зорич.

О ПОДПИСКЕ НА „СМЕХАЧ"

см. стр. 10.

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Учителю Тушкину с самого лета
Снится отбивная котлета.

* * *

Профессору Фоксу, светиле
науки,—
Снятся новые брюки.

* * *

А рабфаковцу Васе—в дымящейся
миске
Еженощно снятся сосиски.

* * *

И только сапожнику, щуплому
Мишке
Снятся под утро серьезные книжки.

А. Македонский

ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

— Подсудимый, вам предоставляется последнее слово!

Бледный молодой человек поднялся со скамьи подсудимых и откашлялся. Публика испустила вздох ужаса и почтительного удивления.

— Да, я убил его!—сказал юноша звонким голосом,—я убил его беспощадно, но виновным себя не признаю. Посудите сами: иду я по улице, смотрю, а он на воззвания культуры бросается. Ведь, граждане судьи, афиши клеятся на стены для призыва рабочих масс к просвещению, а тут, извините за выражение, этот вонючий враг общества бросается на афишу и сдирает ее беспощадно. Ведь не дикари мы, а культурный народ.

— Ишь, как научно говорит! — вздыхает народный заседатель.

— Не стерпел я, граждане судьи, взял камень да и запустил ему в голову. Тут он и кончился.

Суд приговорил убийцу к пятирублевому штрафу.

* * *

Дело это в декабре мес. слушал Народный суд гор. Свердловска. Убийца—Чмарев, Василий. Жертва—козел. Обыкновенный бородатый козел, без имени и отчества, обладающий желтыми наглыми глазами и, присущей всем козлам, привычкой гулять там, где по закону не положено.

Кого пожалеть, товарищи: козла или юношу?

Собакевич

В ЦАРСТВЕ ИСКОПАЕМЫХ

Главнаука намерена привлекать к уголовной ответственности всех лиц, организующих раскопки, не имея на то специального разрешения.

Из газет.

Рис. Ю. Ганфа

— Хожу-хожу я, гражданин главноископаемый, поди, третий год в учреждения за справкой по моему делу. Все раскопать не могут—боятся, видно! Нельзя-ли, молодой человек, получить на производство этих самых раскопок законное разрешение?

ПО „БЕЛОМУ“ СВЕТУ

Самое последнее телеграфное сообщение:

„Авио-матка“ Аргус „прибыла из Лондона в Шанхай“. Это сообщение важное. Мы полагаем, что, увидев авио-матку „Аргус“, пролетариат вспомнит старую китайскую пословицу: „Хлеб-соль ешь, а английскую авио-матку режь“.

После проведения этой пословицы в жизнь и хлеба-соли станет больше и вкуснее он станет, хлеб этот самый. Это уж наверное.

* * *

Кроме авио-матки „Аргус“, в Шанхае сейчас находится почти весь английский флот, французский флот, американский флот, японский флот и ожидается на-днях прибытие одного вымпела, об'единяющего флоты Финляндии, Латвии и Эстонии.

Так как все державы утверждают, что они воевать не хотят, то сбор всех флотов в Шанхае нужно назвать мирной выставкой броненосцев или конкурсом на лучшее военное судно.

По мнению знатоков морского дела, лучшим судном будет признано фино-латво-эстонское, отличающееся своей универсальностью: оно одинаково годится как для стрельбы, так и для рыбной ловли, и для стирки белья и для других домашних надобностей.

Наше же мнение таково: лучшим броненосцем будет признан тот, который первый повернет свои пушки против своего правительства в защиту пролетариата.

Это тем более будет не трудно, что над всеми флотами мира носится сейчас призрак страшного броненосца, „Броненосца Потемкина“. Недавно лишь о нем вспомнили английские моряки, а правительства всех стран трепетали даже перед фильмой его, которая запрещалась и в Европе, и в Америке.

Первый „Броненосец Потемкин“ в соединенном флоте в Шанхае и будет признан лучшим и честнейшим мировым броненосцем.

* * *

В Варшаве в течение одной недели был устроен еврейский погром и совершен белорусский разгром.

Сначала мы думали, что это простой „перевод с итальянского“. В Риме фашисты каждую неделю устраивают погромы и разгромы. Чем польские фашисты хуже итальянских?

Но вскоре мы поняли, что не так. Мы поняли, что Пилсудский стал сторонником наглядного обучения: он решил наглядно показать Литве, как Польша умеет обращаться с нацменьшинством и как она будет обращаться с ней, с Литвой, когда она свалится, подобно спелому плоду, в открытый рот польского панства.

А у панской Польши теперь рот почти что не закрывается. Пилсудский всех хочет проглотить: правобережную Украину, Литву Белоруссию, Германию, СССР и т. д.

Иметь такой огромный рот и ни разу не сказать ни одного умного слова! Вот в чем поистине трагедия Пилсудского.

* * *

Кстати о погромах.

На этой почве между Италией и Англией могут возникнуть большие недоразумения. Дело в следующем. Частые свидания между Муссолини и Чемберленом не пропали даром. Как сообщают газеты, Италия и Англия поделили между собой Аравию, и, таким образом, часть аравийской пустыни попала в руки Италии. Фашисты сразу были поставлены в отчаянное положение, ибо сразу возник вопрос:

— Как устроить погром в пустыне? Кому?

Вопрос этот будет предложен Лиге Наций, которая по обязанности должна удовлетворить всех своих клиентов. Лига Наций найдет выход. В погромных делах она толк знает.

Пока же из аравийских пустынь замечается исход львов, тигров, шакалов, змей. Это протест зверей против засилия фашистских скотов...

О. Л. Д'Ор

ЗАПАРИЛСЯ

— Наш редактор то, видно от перегрузки, стал заговариваться...

— Да что ты?

— Принес я ему рассказ. Материал, говорит, у вас сырой, мысль туманна, в изложении много воды, а в общем, говорит, сухо написано.

НАСЧЕТ ЛЮБВИ ВООБЩЕ И НАСЧЕТ ВЛЮБЛЕННОГО ЛАБОРАНТА В ЧАСТНОСТИ [1]

Любви все возрасты покорны...

Поэт жил в сравнительно спокойное время, когда не было бурного классового расслоения, не было союза коммунальных работников комиссий по борьбе с рабочими изобретателями, Мейерхольда и прочего. Мог ли поэт догадаться, что не в возрасте дело, а в классовой установке.

Сейчас не те времена. Мы рвем со старой формулой и говорим: любви профорганы покорны, ее порывы благотворны.

Но о профорганах ниже... Сперва заглянем в суд...

Слушается алиментное дело. Истица—торгует бубликами, ответчик—галошами.

— От, граждане судьи,—орет не своим голосом торговка.— Стою я коло риндука. Стою и кричу: гражданин! В тебе сейчас галошу, слямзать! Где? Та повернись, чортово барахло! Как повернеться он, да как хлястнет ракла р-р-аз, да как хлястнет два-а... Ну, с тех пор мы с ним и сошлись.

Совсем, как в старинной песенке... Помнишь, Акулька, мгновенье, нам взволновавшее кровь... Я тебя грязной лопатой, ты меня—полным ведром.

А вот романическое приключение газетчика... Роман через дверную щель! Ведь газетчику не открывают дверей... покажется в щелочке белокурая головка, схватит пальчиком газету, и нет ее.

— „Глубокопочтимая и глубокоуважаемая Ольга Яковлена,—пишет разносчик домашней работнице подписчика (разносчик—член союза раб. просвещения, а домашняя работница—нарпитовка)—Прошу тысячу раз извинения за мою быть может дерзость, что не знаю, свободная вы или возможно нет. Но я... влюбился в вас через щелку. И не искорка, а, примерно сказать, огненная лава клокочет в моей груди против вас. Жду ответ“.

— Мой идеал—вечно быть с тобой!

Это пишет—уже человек, если не с готовым дипломом (спецставка), то по крайней мере с потугами на диплом.

— „Да, вечно! Но, с другой стороны, если подойти к вопросу трезво и об'ективно, можно ли, Надя, в пылу любви и сладострастия хвататься за давно отживший выкрик, — „я боюсь!“ Для кого ты бережешь себя, и кто тебе в наш век спасибо скажет. Эх, мещанка, мещанка... И все-таки, я люблю тебя. P. S. Завтра—воскресение. Я буду писать годовой отчет. В учреждении никого не будет. Захвати копировальную бумагу.“

Какое нам, однако, до всего этого дело? А вот какое.

На заводе „Красное запорожье“ лаборант поцеловал лаборантку.

— „Поцелуй произошел—гласит официальный документ—без ее возражения, при наблюдении за выпаривающимся на песчаной бане материалом для анализа“.

А через две недели лаборантка вышла, что называется, замуж за ответственного профработника и „чтоб доказать отсутствие глубоких чувств к лаборанту“ (из документа), сама рассказала супругу о поцелуе.

— Как? Целоваться? На производстве?!

Через час супруг докладывал редакции местной газеты о поцелуе с анализом, через два—газета предложила администрации завода срочно и тщательно расследовать „прилагаемое при сем дело“, а через 3 часа—лаборант был уволен с завода.

— За срыв производства!

Завком санкционировал, союз скрепил, а центр—подтвердил.

Иди угадай. Кое-кому можно целоваться на производстве, а тихо влюбленному лаборанту—нельзя.

А. Аграновский

ЖИЛИЩНОЕ

— От вашего управдома так и разит.

— Очень просто: он пропил фановые трубы.

— Как пройти к управдому?

— Как из наших ворот выйдете—идите прямо до самого исправдома.

[1]) Приводимые факты и письма взяты из действительности.

Рис. М. Черемных

СХЕМА ОДНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

1) Папа-родоначальник. 2) Папина алиментная жена. 3) Любовник папиной алиментной жены. 4) Жена любовника папиной алиной жены. 5 и 6) Их дети бронеподростки: отрок Гога и отроковица Демагога. 7) Папина теперешняя жена. 8) Ее любимая тетя. 9) Другая тетя. Получает, однако, тоже по 12 разряду.10 Знакомый теперешней папиной жены. 11) Любимая бабушка родоначальника, ая старушка (бабушка русского бюрократизма). 12) Свояченица по братниной линии. 13) Сам брательник. 14) Пропащий дядя Паша (в семье не без урода). 15) 1-й снохач по муэй линии и 16) 2-й снохач по женской линии.

АМПЕЛЕЕВО ЧУДО

Рассказ

По вечернему небу плывут пухляки, за бортом шипит пенно вода, а к борту прислонясь, стоит поп Ампелей.

За излучиной вправо гора, на ней зелень садов, пламенеют кресты на церквах, а пониже над четкими крышами кружат голуби, напоминая далекое детство, и понуро сутулится старый Ампелей, он же Амплий.

Ампелей сухопар, росту дикого, борода—козий хвост, лицо темное—редькой. Двадцать лет на селе—омужичился. Дни бегут, а жизнь ровно вкопанная. Попадья также бьет его скалкой по горбатым лопаткам и грызет, словно ржа. Но когда Ампелей запирается с мутной четвертью, и, понюхивая, вместо закуски, дощатую воньkую воблу, пьет семейной чашкой неделю и две,—попадья убегает к соседям и домой а-ни ни.

Пьяный, он с прихожанами строг и за словом в карман не полезет.

— В-вы!—гремит он, качаясь, как клен в бурю у аналоя,—проповедую вам слово божие! Баба сзади! Цыц, халда! Заткни глотку младенчику. Да! Маловеры вы все. Путь господень забыли! И меня, отца вашего. Цыц! Кто там ржет жеребцом в божьем храме? Умоляю—покайтесь. А то бог уж на что терпелив и всемилостив, а и он вас не вынесет, вас, подлецов, да как трахнет, так будете его знать... бога, бога ищите, а не где-б- вам выпить. Аминь!

А покончивши с проповедью, закрывает врата в алтарь и допивает церковное, страдальчески морщась и крякая

Прихожане ворчат, но все ходят. Привыкли. Село древнее. Стариков еще много. И для них иногда, отрезвев, служит поп Ампелей на архиерейский фасон, густо рыкая многолетия, щеголяя размашистым крестным знаменьем и лихо звякая кадилом и не жалеючи пыхает ладаном.

Коммунистов в селе небогато. Да у них свое дело. И до церкви они не касаются. А его самого меж собою смешливо зовут—

—„антирелигиозною пропагандою".

А ему хоть бы что. Да и много ли ему в жизни надобно? Трахнуть „точию по единой", да вот еще в трынку сыграть, спаси господи Насчет трынки он дока. И бывает частенько возвращается Ампелей на село, об'егорив приятеля мельника за ним скрипит выигрыш,—два, три воза зерна

Но случалось ему и брести за семь верст пехтурой, поапостольски, А старинная бричка с соловой кобылкой, порой по неделе, стояла на мельнице, пока вновь два счастливых туза не ворочали ее отыгравшемуся владельцу

И сейчас он везет между прочих покупок из города, драгоценную дюжину новеньких карт про запас, для зимы. И весьма бы не прочь насладиться, а вот горе — трынку редко кто знает.

Вон, компания целая с утра в нижней рубке сидит, коньяк глушит и режется под шумок, да что толку,—в очко.

И наверно безбожники. Иудеи да лютеры. Саранчей, прости господи, расплодились египетской... Ну, а впрочем... Отчего б не попробовать с иноверцами? Ампелей нерешительно топчется, задрав пыльный подрясник, достает кошелек, проверяет наличность и, вдруг, круто повернувшись на кованых каблучищах, решительно направляется в трапу.

* * *

В рубке душно, азартно и весело. Двое бойких и черненьких, в серых пальтушках ободрали изрядно большую компанию, но та духом не падает, и все хлопает новыми пробками,—угощают счастливчики, суетятся, хихикают, ручки мыльные трут, поговорками сыпят.

— Не робей, воробей! Карта — дура! Было счастье—нет счастья... Каралаш—ералаш, деньги наш—будут ваш, хе,хе! Отдохнем—перекинемся сызнова! Господа! И товарищи! Что же вы? Коньячку! А вы, батюшка? Или водочки?

Ампелей в углу,—тучею. Сердце чуяло—не играй. Нет, полез.

— А чернявый в очках, член какой-то из центру,—с насмешками пристает как смола.

— Бога нет, говорит, да и только. Вы сознайтесь нам, батюшка, что? Вот вы сели за карты — господи благослови, сказали, что? А он вас, ха-ха, и бла... благословил... на сорок с полтиною! Что?

И кругом все хохочут.

— Ни рожна вы в боге не смыслите,—огрызается охмелевший, как все, Ампелей.—А я бога люблю. Он меня не омманет... Богородицу тоже, тово. Она—славная... баба.

— Га-га-га-га-а! Го-го-го-о-о! Ай да батя!..

— И я вам докажу... Божью силу...

— А-ну!

— Что ну? Вот садитесь со мной сейчас в трынку!—вызывает озлившийся Ампелей.

— Что-что-что? — двое черненьких тут как тут,—замечательно! Господа! В чем же дело! Простая игра! Рупь поставишь—два возьмешь, два поставишь—шиш возьмешь! Начинаем по маленькой! А?

Сели пятеро. Сдача. Для начала звенят серебрушки. И простая-ж игра, даже стыдно! По три карты. Прикупка. Котел.

— Что нам рубь, что нам три—важней самолюбие—разоряется банкомет.

— Батя, вам! Замиряете трешницу, агроном? Миша, кроем? Ого, в котле тридцать! Товарищ член, вы?

Ампелей раздул ноздри. Всей грудью на стол. Руки—крюки в синих шнурах гребут деньги,—везет же попу!

— И это наш-ше духовенство!—горько вздыхает продувшийся агроном, свирепо косясь на Ампелея.

Над столом, вся в дыму, загорается лампочка.

* * *

— Это что-ж?—в наступившей вдруг тишине сипло спрашивает Ампелей, как-будто опомнившись,—я, выходит, один против вас?

— В котле ровно четыреста, — значительно говорит банкомет, моргнув бровью,—не идете, снимаемся.

— Господи, в руци твои предаю... Карточку!—и все обступают играющих.

А обиженный агроном злорадствует—ну-ка, ну... Ох и взгреют кого-то, хо-хо-о!

Ампелей, — лицо камнем, — глядит в карты. Ерунда. Валет пик и две двойки. Надо скинуть и новые взять. Еще хуже: тройка, двойка, десятка. В третий раз... Сила божия! Опять дрянь Эге-г-ге-е!

— Конечно, наличными, батюшка?—вкрадчиво говорит банкомет, не меняя ладошкою карт.

— А, ну-да. Стой-ка, стой... Так-так-так... бормочет в бороду Ампелей, и вдруг быстро встает.

— Сейчас, граждане я,—только деньги в каюте достану. В один миг...

— Ах, пожа-а... поют ласково оба черные разом.

Гулко хлопает где-то дверь.

Шурша рясой влетает опять Ампелей с серьезным лицом. В правой все еще три злосчастные карты. В левой—сверток в цветистом платочке.

— Вот он я! Замирил подо все!

— Больше карт не меняете?—с легкой тревогой говорит банкомет, а то взяли бы? А?

— Мм... нет, хватит...

Черный, странно кривясь, открывает свои.

Туз и два короля. Карта зверская. Ну-ка батя, сдавайся!

— Раз—туз пик! Два—червей! Три... что? Туз!

Вся компания ахает. Ап!.. делает ртом позеленевший банкомет и хватается за колоду, но быстро опомнившись, кривится в улыбке.

— А мы думали, что у вас... опять двойка...

— Это ж чудо какое-то... волнуется второй черненький.

— То-то, вот, маловеры! — грохочет торжествующий Ампелей, загребая бумажки,—господь бог всемогущий! И из двойки тузом может выпалить!

* * * * * * * * * * * *

Поздней ночью на палубе долго ругаются шопотом черные.

— Я ж вам говорил, идиоту... Надо было еще туза взять...

— Нет, скажите, откуда он пятого выкопал? И такого же крапа...

А в каюте счастливый игрок огорченно вздыхает:

— Зря я, господи, из-за этого цельную дюжину в воду выкинул! Эх!

Леонид Саянский

У СОВУЧРЕЖДЕНСКИХ ВРАТ

Рис. К. Елисеева

— **Подожди минуточку, я только справку наведу.**
— **Что-ж я тебе неделю стоять буду?!**

ЛИТЕРАТУРА НА СМЕХ КУРАМ...

Язык новой литературы недоступен рабочему и крестьянскому читателю. На собраниях указывалось на непонятность таких выражений, как „улица идет кувырком", „автомобиль кудахчет" и т. д.

Рис. В. Козлинского

— Вот читала давеча—дескать „автомобиль кудахчет и несется"... Интересно, почем автомобильные яйца?

ПРОПАЩИЙ ЧЕЛОВЕК

— ... Трудно приходится в борьбе, это что и говорить—очень трудно. Уж такой я человек—не могу молчать, да и только. Чуть увижу какой непорядок — пропал, погиб! Не могу молчать!.. Знаю, что не мое дело вмешиваться, а не могу—сознательность не позволяет. Оттого вся моя жизнь теперь не жизнь, а одно мучительное сострадание...

Он поник головой и покрутил грязный патлатый ус. Мы деликатно молчали. Редакция опустела и только где-то за семью фанерными перегородками одиноко щелкала пищущая машинка, надрываясь под тяжестью запоздавшей передовицы. Он попросил папиросу, суетливо затянулся и безнадежно махнул рукой.

— Сейчас живу на вокзале, потому с последним билетом опять ничего не вышло. Я, видители, уже пять раз приобретал билеты—на родину ехать, да все никак не удается. В последний раз даже на поезд сел. „Ну—думаю—„теперь доеду“. И даже на сердце полегчало. Доехал я до станции Малый Ярославец. „Дай—думаю—за кипяточком сбегаю“. Слез это я, честь-честью, и побежал по путям к станции. Тут, вижу, идет человек в железнодорожной форме и несет мешок. „Что—думаю—несет человек?“ Он от меня—я за ним. Он от меня,—я за ним... Даже не заметил я, как поезд ушел—такое любопытство меня взяло... Пришли таким порядком в ближайшую деревню. Он в избу—я за ним. „Что—спрашиваю,—в мешке несешь, подозрительный гражданин?“ Оказалось—кот. Так я в Москву и пер по шпалам... Не могу переносить, когда непорядок какой или преступление. От этого все мои сострадания на жизненном пути совершаются... Эх!.. Погибший я человек!... На двенадцати местах служил... Везде ко мне придирались, потому правда-матка, она глаза колет, так-то...

— А скажите,—попросили мы робко,—как это у вас вышло, то-есть, как это к вам придирались и как вы ушли со службы?..

— Хорошо,—сказал он с готовностью,—я расскажу вам, как я погиб.

Он слезливо заморгал седовато-рыжими ресницами и начал...

Рассказ счетовода Брыкина о том, как он погиб.

Служил я счетоводом у себя на родине, в провинции, в правлении треста „Кость и Кожа“. Хорошо. Семью держал—жена и дочка... Разряд имел, конечно, по сетке. Хорошо. И тут меня осенило. А оттуда пошла моя жизнь вверх тормашками. Погиб я от зава нашего, по фамилии был Канер'юмкер, Александр Исакович Канер'юмкер. Хорошо. И узнал я, что Александр Исакович сожительствует с посторонней женщиной, не зарегистрировавшись с нею по законам нашей социалистической республики в ЗАГС'е. Ходит к ней на ночь. Хорошо. Думал я, думал и тут меня осенило. И написал я мой первый стих и от него все пошло. Хороший стих был. До сих пор наизусть помню. Такой был стих:

В нашем тресте „Кость и Кожа“
Есть заведующий тоже.
Звать его Александр Исакич
И любит он к служащим придираться.
А сам про себя не замечает,
То, что каждый про него замечает
Нахально спит он, как с женою,
С посторонней женщиной одною...

Там дальше все про него и выложил, как есть. А кончался стих так:

Не пора ли поставить точку,
А то скоро Канер'юмкер будет иметь незаконную дочку.
Нужно прекратить безобразье
И покончить с развратом сразу!

И отнес в редакцию газеты „Трудящийся Пролетарий“. А подписал псевдонимом—„Красный очевидец“. Хорошо. Не поместили. Оказалось, все они там одна шайка с нашим Канер'юмкером. Хорошо И больно мне сделалось. И сразу я почувствовал, что не могу молчать, когда вокруг безобразие. А тут еще сослуживцы покою не дают. Дразнятся Пушкиным. „Пушкин—говорят—Пушкин, почему ведомость не готова?“ Или—„Иди, Пушкин, в местком на собрание“. Хорошо. Не стало мне покою от обиды и решил я вывести зава нашего на свежую воду. Проходил я как-то поздно вечером мимо службы—смотрю, окошко у зава светится. А кабинет у него в первом этаже. Приник я к окну и вижу—сидит наш Александр Исакович, обложился делами для виду, а сам водку трескает. Нальет из графинчика полный стакан и хлопнет сразу, даже без закуски. И стало мне грустно. Вот, думаю, до чего дошло моральное разложение. Никому ничего не сказал и решил хорошенько проверить. Прихожу на другой день. Сидит и хлещет. Прихожу на третий—то же самое. Надерется, это, до положения риз и едет на ночь к сожительнице. Такое безобразие! Пошел я в РКИ, доложил все честь честью. Так, мол, и так, при исполнении служебных обязанностей... Не поверили. Однако, против факта не очень постоишь. Составили междуведомственную комиссию по всем правилам с представителем от милиции, дождались десяти часов и двинулись... Хорошо... Смотрим через окно—так и есть! Сидит Канер'юмкер как будто бы работает, а сам, нет, нет и нальет! Нет, нет, и выпьет! Тут я не мог больше выдержать. „Вот!—кричу я,—Вот где предаются интересы трудящих и передового крестьянства! Вяжите его, социал-предателя!“ Тут представитель милиции первый влез в окно, а мы все вокруг—через двери, да так его, раба божия, и захлопали, со стаканом в руке... Вот оно что... Да-а-а-а.... А ведь оказалось, что не водка была в графинчике, а вода. Ну кто бы мог подумать!. Так вот... Уволили меня со службы. С тех пор пошло... И стал я пропащим человеком. Поехал в Москву, до Калинина доходил, да так тут и застрял... Так-то.

Счетовод Брыкин замолчал и понурился. Нам стало неловко. Пора было уходить. В редакции давным давно окончились занятия, и курьерша с ключами уже давно живым укором стояла в дверях. Мы стали собираться.

— Как же будет с заметкой?—хмуро спросил Брыкин.

— А заметочка ваша не пойдет!—с деланным весельем воскликнул секретарь.

— Почему же она не пойдет?—язвительно спросил Брыкин.

— Да помилуйте! Вы пишете, что начальник вокзала, на котором вы ночуете, купил своей жене новое пальто...

— Верно! Плюшевое пальто! Восемьдесят рублей выложил—тютелька в тютельку!..

— Но какое нам с вами до этого дело?

— Значит, не пойдет?

— Не пойдет.. к сожалению.

— Гм... Тогда дайте справку?

— Какую справку?

— Да вот, что не пойдет.

— Зачем же?

— Ладно. Скоро узнаете зачем. Тогда другое запоете. А то—не пойдет, не пойдет. Присосались тут к аппарату, бюрократы... Да уж ладно... Брыкин все знает. От него не вывернешься...

Поспешно уходя из редакции, мы слышали, как Брыкин говорил курьерше:

— ... Уж такой я человек... Не могу молчать... Люблю правду-мат...

Где он теперь, неугомонный счетовод Брыкин? Где он, этот светлый идеалист на трудном тернистом пути общественного деятеля? Какие пороги он обивает? В какие двери ломится? Уехал ли он уже из столицы или идет обратно по шпалам со станции „Нара-Фоминское?..“ Или может быть, он сидит в приемной Калинина, дожидаясь, когда представится возможность прочесть всесоюзному старосте свои последние стихи?..

Кто знает!.. Кто знает!..

Евг. Петров

ЗАЩИТНИК

— Я, знаете, кооперацию защищаю, не щадя живота своего.

— Какже это?

— А в коопстоловой обедаю даже!

В СУДЕ

— Сколько воды в речи защитника!

— Потому то он и топит подсудимого.

ДЕЛА ТОПЛИВНЫЕ

— На сколько дров в вашем кооперативе дали кредитование?

— На воз.

— А дрова то какие?

— Навоз.

В РАЗДЕВАЛКЕ

— А у вас какие буквы в галошах были?

— Не помню я всех букв, родной! Две газетки в каждую галошу положены были!

ПИСАНАЯ ТОРБА „СМЕХАЧА“

(ПОДЛИННЫЕ ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ)

Зигзагообразный мозг

Примазавшийся Ковтун, решив вдруг, что он оппозиционер и что ему нет места в партии, пишет в ячейку:

„Тяжелый груз давит на мою психологическую сторону. Я ухожу из партии, ибо не могу практически оплодотворяться на ней. На волнах пассивности и равнодушия я отчаливаю от берегов политической жизни. А мучительное будущее поставлено под знак таинственности вопроса в смысле неизвестности. Нет, дорогие товарищи, пусть меня обвиняют в формально-логическом и рационалистическом, а не ленинско-диалектическом подходе к вопросам социальной жизни, но я чувствую, что переживаю не зигзагообразные шалости кипучей молодости, а глубокое идейно-политическое давление. Я говорю, что раскрывается вулканический кратер политического извержения!“

А на следующий день, не дочалив до берегов равнодушия, Ковтун поворачивает оглобли и гребет назад—в партию.

„Я погорячился на почве об'ективной ослепленности светом абстрагированных сфер. Прошу прощения, чтоб в бурном водовороте современной практичности я мог проявить инициативу в неугасаемом свете ленинизма. Я так обволокся сетями партийного влияния, что резкий разрыв с партией превратился для меня в квадратную степень страдания по сравнению с инфекционными (?) пытками времен средневековья. Я раньше находился в плену абстрактной высоты. Товарищи! Товарищи! Я жажду более широкой арены, широта коей являлась бы иманентным прогрессивным двигателем миросозерцания!!“

Письмо из Риги в Москву, от Жана к Розочке

„Напрасно ты, Розочка, нервничаешь по поводу отсутствия кружев. К моменту получения письма ты будешь иметь уже целый воз кружев. Твое дело только расширить наше предприятие.

Так как я думаю широко развить посылку, убедительно прошу немедленно назвать ряд адресов, дабы я мог одновременно гнать всем.

Меня очень удивило известие, что Васко-де-Кот не получил двух последних писем. В одном были три метра „Велюр-де-Лион“ и два мотивчика. В другом—три метра мадепалама и пять с половиною фута шевро „Гризон“.

Единственный способ удешевить „фре-де-порт“, это посылать посылки как „Шантильон-Сан-Валер“ (т.-е. образчик, без цены) в пакетах по 350 грамм, да притом ежедневно несколько сот пакетов и в раздробленном виде. Очень остроумно будет посылать чулки и носки по одной штуке от каждой пары на разные адреса.

Розулечка, передай Васко-де-Коту, что я стою на парах и жду сигнала. Как только он начнет высылать аккуратно деньги, я со всей накопившейся энергией и силой начну бомбардировку кожами, лаком и кружевами.

...Вообще, Розочка, открылись новые горизонты. Старайся постоянно снабжать меня свежими адресами, дабы лучше использовать этот горизонт. Твой Жан“.

СРЕДИ ВУЗОВЦЕВ

— Collega! Посмотрите, какие у вас грязные руки! Наверно дня три не мыли!

— Это я гигиену соблюдаю, согласно плаката: „Мойте руки перед едой!“

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Дал семь—тяни ко всем!

В Тюмени настало времячко полного и величайшего торжества просвещения; доказательством служит об'явленьице в местном „Красном Знамени“.

> **Магазин „КНИГА НАРОДУ“**
> **В ПРОДАЖЕ:**
> **КАРТЫ игральные**
> **по ценам Окрфинотдела.**
> **В неограниченном количестве.**

Тюменьские кассиры,—мужайтесь!!

Вхутемасовые игры и забавы.

Журнал „Красное Студенчество“ жалуется на чрезмерное обилие юмора в ВУЗ'овских общежитиях.

К одному из парней из Вхутемаса, увлекавшемуся рисованием по целым ночам, пришел солидный молодой человек:

— Я администратор Третьяковской галлереи. Мы слышали, что вы прекрасно рисуете. Будьте добры показать ваши работы.

Работы администратор расхвалил. Отобрав огромное количество, до двух пудов весом, он попросил обязательно доставить их в Третьяковку.

Денег у парня не было. Пешком нес через весь город. Но в музее его приняли за сумасшедшего. Оказывается, товарищи разыграли.

Случай, как уверяет „Красное Студенчество“, очень типичный. Залежи юмора среди студенчества выросли неимоверно.

Не только, играя ночами в карты, „в очко“, заставляют проигравшихся лазать под стол, мычать, лаять и т. п., но идут и дальше. Спящих мажут сажей, раскрашивают красками, выносят вместе с кроватью на мороз и т. п., и т. п.

А то еще мы можем порекомендовать тихим милым шалунишкам такую детскую игру, которая может заинтересовать не один десяток из вхутемасовского „актива“:

Пробравшись на цыпочках к постели спящего товарища и, еле сдерживая взрывы здорового жизнерадостного смеха, шалуны осторожно укладывают его в глазетовый гроб. Потом относят ничего не подозревающего юношу в крематорий, под взрывы радостного смеха, закладывают неисправимого соню в огнедышащую печь и быстро захлопывают дверцу (это наиболее важный момент игры, поэтому нужно следить, чтобы дверца была поплотнее закрыта). Но самое смешное впереди. Когда температура доходит до 2 тысяч градусов, весельчаки по очереди подходят к дверце и, вежливо постучав, спрашивают: „Коля, тебе не дует?“ Не получив ответа, молодые мистификаторы идут в пивную, потешаясь над несообразительностью попавшего в просак приятеля.

Юбилейный мальчик Гарри

Майкопский „Красный Пахарь“ отвечает в почтовом ящике:

Гарри Пиль. Антиповка, Камышинского уезда. Никакой „амнистии“, т.-е. отсрочки при призыве гражданам рождения 1905 года только потому, что они родились в год первой революции, и что их призыв совпадает с 10-летием Октябрьской революции, не будет. В военкомате об этом никаких сведений нет. Получать отсрочки на обычных основаниях, т.-е. по болезни, по семейному положению и т. п.

Тихий мальчик Гарри, попробуйте получить отсрочку по случаю глупости. До сих пор не давали, но вам-то в виду особых размеров этого „дара“, может, и дадут.

ТЭЖЭ В НАРОДНОЙ ПЕСНЕ

Рис. А. Радакова

Петька с горя водку пил:
На деревне нету пил,—
Вместо пил—корявой милке
Для ногтей прислали пилки.

Горько плачет Ванька Плес:
Нету мази для колес,—
Вот уж две недели кряду
Для колес везут помаду...

Издатель—„ГУДОК“. Отв. редактор—И. Н. Пирогов.

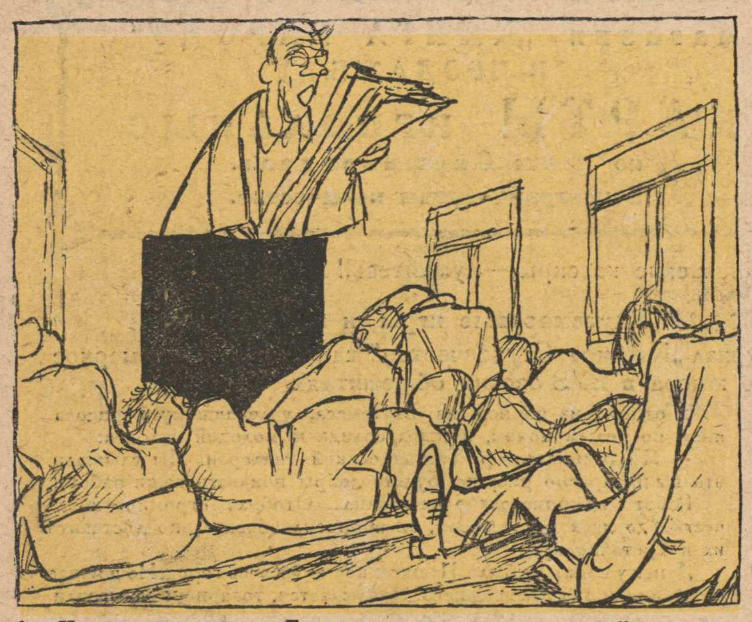
Главлит 80732. Москва. 5-я типо-литография „Мосполиграф“, Мыльников п., 14 Тел. 4-88-39. Зак. 928 Тираж 100000 экз.

СРЕДСТВО ОТ СОННОЙ БОЛЕЗНИ

На одном собрании председатель через определенный промежуток времени обращался к аудитории с просьбой встать. Это периодически повторялось во время всего заседания. Это делалось для того, чтобы товарищи не засыпали во время речи оратора.

Из речи М. И. Калинина на московской губпартконференции.

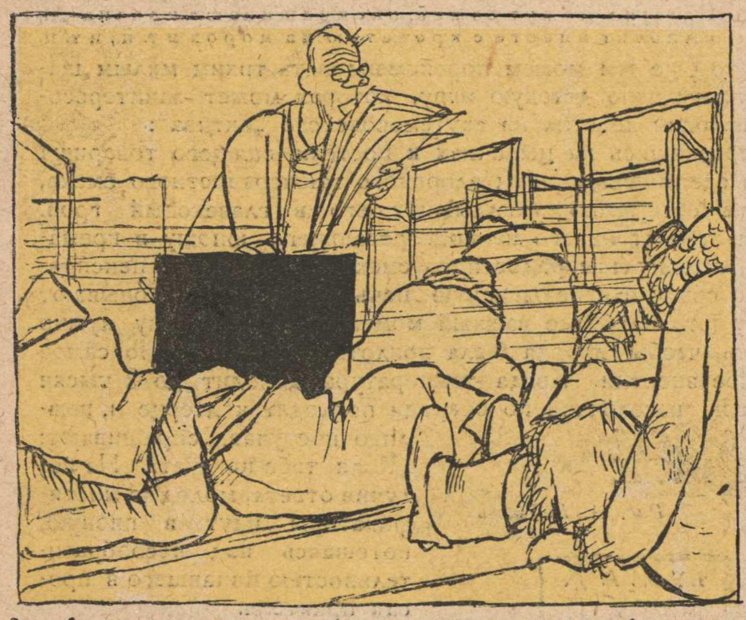
Рис. М. Черемных

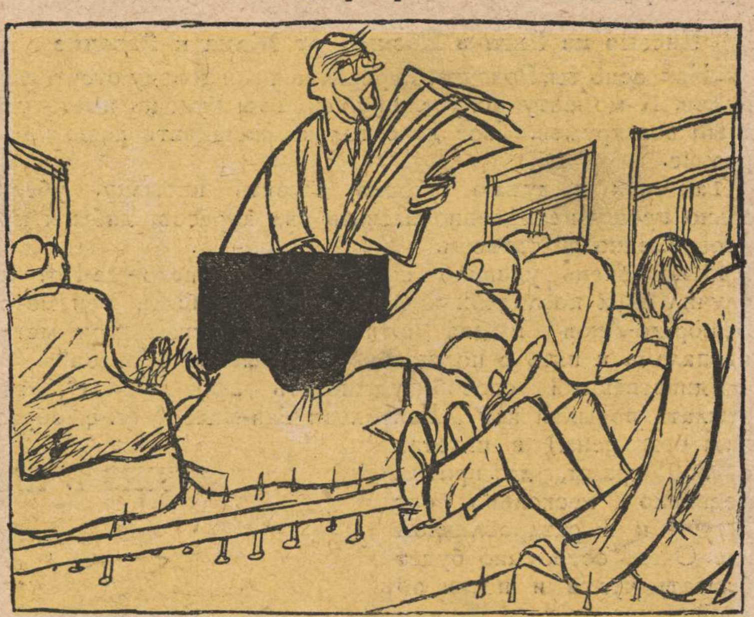
1.—И говорил оратор: „Дауэснзация концерна европейских держав, ассоциирующаяся..“ И под ораторские слова все крепче и крепче засыпали слушатели...

2. — Аттаковать их сверху!—сказал завклубом, вскрыл крышу и устроил душ, употребив на это средства, ассигнованные на починку крыши. Но слушатели запаслись зонтиками и захрапели под ораторские слова...

3. — Аттакуем их с флангов и пустим на них сквозняки!—решил завклубом. Но слушатели, надев шубы, продолжали сладко спать...

4. — Аттакуем их с глубокого тыла!—воскликнули устроители и воткнули в стулья гвозди. Но слушатели, на минуту встрепенувшись, подсунули под себя сковороды и продолжали мирно похрапывать...

5.—И впали устроители в ужас. И сказали:—„Что же нам теперь делать? Мы использовали все средства, но разбудить слушателя нет возможности!“

6. — И пришел один умный человек, и сказал:
— А вы попробуйте переменить лектора!..